

УЖЕ идет бурный обмен адресами и обещаниями писать, дарятся последние сувениры. Толпа молодежи стоит у актерского выхода из театра «Олдвич» по окончании последнего спектакля. Многие из них говорят по-русски—это ученики колледжей, где изучают русский язык, запоминаются трое, совсем молодые во фраках, это униформа Виндзорского колледжа с преподаванием на русском языке. Молодые англичане хотят лично попрощаться, пожать руки, поговорить по-русски, просто постоять, помолчать, чтобы выразить свои дружеские чувства. Студенты Оксфорда активно зовут к себе со спектаклем, или концертом, или просто побеседовать, поспорить.

Театральный критик и ресторатор в Париже месье Доминик приглашает весь театр в свой русский ресторан отобедать. Присутствуют представители прогрессивной части русской эмиграции, присутствует Андре Барсак. Мы сидим в стенах, увешанных российскими реликвиями, по радио звучат старинные русские и цыганские песни. Прощальный обед с русским меню. Последний день в Париже. Солнечный и ветреный.

...Пройдемся еще раз по городу. Я предлагаю маршрут хемингуэвской «Фиесты». Я люблю этот роман. Хемингуэй хорошо знал Париж. Он много лет прожил здесь, но все же был иностранцем, как и мы. Я уверен, что нам будет интересно пройти

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. В «СМЕНЕ» ОТ 21, 23, 26, 27 И 28 АВГУСТА.

Сергей ЮРСКИЙ

то, что запомнилось

вместе с его героем Джейкобом Барнсом к бульвару Монпарнас, а потом пройдем сами, куда случится.

Начала нашей прогулки совпадают. Театр «Одеон», где проходили наши гастроли, стоит у самого входа в Люксембургский сад, откуда начинается свой путь Джейкоб Барнс. Пройдем сад насквозь, вдохнув запахи его «свежей листвы», в 40-й раз свежей со времен Хемингуэя, послушаем журчащую тишину воды и выйдем на шумный, полный движения бульвар Сен-Мишель. Пошли! Не торопясь, вспоминая роман и глядя по сторонам. Книжные магазины. В их бесконечных, выставленных прямо на улицу стеллажах терпеливо роются серьезные очкастые молодые люди и красивые девушки с сильно подведенными глазами. Где-то здесь должна быть лавка, где продаются плетеные бутылки для вина. Ага, вот она. Есть. И бутылки висят, от самых маленьких

до огромных. Дальше, мимо маленьких галерей—рассмотрим поподробнее напоследок выставленные тут картины. Здесь много интересного. Со всем пусто сегодня—это хорошо, удобнее смотреть, но, с другой стороны, хозяин смотрит на тебя вопросительно-ожидательными глазами, и особенно долго задерживаться как-то неловко.

Угол Сен-Мишель и бульвар Монпарнас. Вот в этом доме и жил герой «Фиесты» — «В самом начале бульвара Сен-Мишель». Свернем направо по Монпарнасу. Сейчас должно быть кафе Клозери де-Лила. Есть! Оно самое. Сядем за столик, выпьем кофе. Дальше. Интересно, а «Ротонда» сохранилась? Есть, вот она. Кафе «Ротонда», а рядом теперь американский бар, а напротив кафе дю Дом. Вот тут собирались журналисты, писатели, художники. Может быть, и сейчас? Кто эти лю-

ди за столиками? «Ротонда» модернизировалась. Два этажа, второй с оттенками недорогого шика. И вообще здесь теперь шумно. Кафе оказалось на тычке, окружено пылью и автомобилями. Герои «Фиесты» находили здесь уют и потом шли напротив, в кафе дю Дом пить кофе. Теперь и перейти дорогу не так-то просто — машины, машины. Вот такое примерно кафе, только тихое, было свидетелем работы Эрнеста Хемингуэя. Такое кафе описал он в романе «Праздник, который всегда с тобой». Здесь, наверное, хорошо, удобно работать. Земная подвижность жизни, требующая честности, моментально осмеивающая выпендренную фальшь. Здесь и нашел Хемингуэй свою неподражаемую поэзию земного, сделал столик кафе своим рабочим столом, а кабинетом — весь мир.

Идем дальше, свернем на бульвар Распай. Здесь деревьям обрезали ветви. Бульвар оголился и стал пыльным. А это что за маленькая улочка? «Шерш Миди» — «Иши полдень» — длинная, изгибающаяся дугой. Где-то я читал про эту улицу, но это уже не у Хемингуэя. Не помню, но название знакомое, и улица красивая.

Какой цвет у Парижа? Много ярких пятен, особенно красных — тенты кафе, ставни, иногда двери, но какой основной цвет?.. Он есть. В Ленинграде тоже запоминаются желтый цвет Росси и зеленый Растрелли, но основной — другой. Тоже трудно определяемый, чем-то связанный с цветом невосковой воды. А в Париже?

Я сажусь в метро и еду на другой берег Сены. Пляс Пигаль. Я сижу в кафе «Под восходящим солнцем». Съедаю французский бутерброд—половина батона с колбасой внутри. Выпиваю стакан вина, которое стоит дешевле, чем бутерброд. Смотрю на людей, сосредоточенно бросающих монеты в игры-автоматы, что-то вроде китайского билиярда. Скачет металлический шарик, вникает о борты и препятствия. Мимо. Еще монета —

Французские стюардессы.

мимо. И так часами. Я ни разу не видел, чтобы выигрывали...

Ночью Пляс-Пигаль откроет свои ночные кафе, стриптизы, дансинги. Сейчас еще только начинает заходить солнце. «Как сделать, чтобы жена нас не разлюбила. Если хотите узнать, зайдите к нам. 7 франков». Это реклама кинотеатра. Я захожу. Сцена идет непрерывно с утра до вечера. Билетерша проводит меня на место в темный зал, я даю ей франк. Фильм—наскоро сделанный, скучный и начисто не соответствующий рекламе. Появив, что ответа на волнующий вопрос я не получаю, не дождавшись конца, я ошупью выбираюсь обратно на улицу.

И вот панорама Сены. 7 мостов, насквозь. Воздух легкий, прозрачный и видно далеко-далеко. Вот какого цвета Париж — он цвета слона. В том смысле, что это живой серый цвет. Дома, дворцы, с их закругленными, не острыми углами крыш, мансардами, мягкими живыми изгибами форм. Все подвижно, все не мертво. А может быть, это воздух колышется. Громадные, гармоничные, живые массы...

Тысячи машин—в шесть рядов, на мост, под мост, в туннель. Нужно быть осторожным. В Лондоне водители вежливы и внимательны, в Париже беззаботны и напористы. Летят тысячи машин, летит вся набережная сквозь семь видимых мостов к восьмому, невидимому в дымке...

Час пик. Садится солнце. Последний день в Париже...

288